

Утверди шаги мои
на путях Твоих...

Пилигрим

Приходской вестник Свято-Никольского храма в бухте Камышовой
Издается по благословию Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря

№3(55) март 2014

О ТОМ, ЧТО ПОСТ ЕСТЬ АЛКАНИЕ БОГА

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Дорогие слушатели, что же означает пост для нас, христиан? Прежде всего, это участие в постном опыте Самого Христа, которым Он освободил нас от совершенной зависимости от пищи, материи и мира. Но освобождение наше ни в коем случае не может быть полным. Мы живем еще в падшем мире, в мире Ветхого Адама, и, составляя часть этого мира, мы все еще зависим от пищи. Но так как смерть, через которую мы все должны пройти, побеждена Смертью Христовой и стала переходом в жизнь, пища, которую мы вкушаем, и жизнь, которую эта пища поддерживает, может стать жизнью в Боге и для Бога. Часть нашей пищи уже стала *"пищей бессмертия"* — Телом и Кровью Самого Христа. Но даже ежедневный, *"насущенный хлеб"*, который мы получаем от Бога, может уже в этой жизни, в этом мире стать тем, что поддерживает и укрепляет наше общение с Богом, а не отдаляет нас от Него. Однако только пост может осуществить это преобразование, дать нам существенное доказательство того, что наша зависимость от пищи и материи не окончательна, не абсолютна и что в соединении с молитвой, благодарью и служением Богу сама эта зависимость хочет стать духовной. Это означает, что понятый по-настоящему, в истинном своем значении, пост есть единственное средство восстановления в человеке его подлинной природы. Это не теоретический, а практический и реальный вызов великому лжецу дьяволу, убедившему нас в том, что мы зависим от одного хлеба, и построившему все человеческое знание, науку и даже наше существование на этой лжи. Пост обличает эту ложь и доказывает ее лживость. В высшей степени знаменательно, что Христос встретил Сатану в то время, когда Сам постился, и что позднее Христос Сам сказал, что победить Сатану можно *"только молитвою и постом"*. Пост — настоящая борьба против дьявола; пост — вызов всеобъемлющему закону, делающему дьявола *"князем мира сего"*. Когда человек голоден, он понимает, что

в действительности он может не зависеть от этого голода, не погибнуть от него, а, наоборот, обратить его в источник духовной власти и победы. Тогда ничего не остается от той великой лжи, в которой мы живем со времен Адама.

В конечном счете, пост состоит в одном: в том, чтобы испытать голод (*по-славянски "алкать"*), и это значит — достичь предела той жизни в нас, которая зависит всецело от пищи, и, взалкав, открыть, что эта зависимость не есть последняя истина о человеке, что сам голод — прежде всего, духовное состояние и что в последней глубине своей он есть алкание Бога, т.е. голод о Боге. В ранней Церкви пост означал совершенное воздержание от пищи, т.е. состояние голода, доводящее тело до крайнего предела. Но именно здесь мы понимаем, что пост как физическое воздержание от пищи совершенно бесполезен без его второй, духовной, стороны — молитвы. *"... Постом и молитвою"*, — сказал Христос. Это значит, что без соответствующего духовного усилия, не укрепляя себя Божественной реальностью, не сознавая своей совершенной зависимости от Бога и только от Бога, физический пост на самом деле становится самоубийством. Если дьявол искушал даже Самого Христа, когда Он постился и испытывал голод, то у нас нет никакой возможности избежать этого искушения. Физический пост, как он ни важен, становится не только бессмысленным, но действительно опасным, если он не соединен с духовным усилием, молитвой, мыслью, сосредоточенной в Боге. Пост — искусство, которым в совершенстве владели святые; было бы опасно и самонадеянно с нашей стороны пытаться овладеть этим искусством без духовного рассуждения, без должной осторожности. Всё великопостное богослужение постоянно напоминает нам о трудностях, препятствиях и искушениях, которые встают перед теми, кто рассчитывает на собственные силы, а не на Бога.

Вот почему нам необходима духовная подготовка для постного подвига. Она состоит в том, чтобы, во-первых, просить

помощи Божией, а, во-вторых, чтобы весь наш постный подвиг был сосредоточен на Боге, устремлен к Нему. Мы должны поститься ради Бога. Мы должны ощутить Его присутствие в нашем теле, которое становится Его храмом. Поэтому и к телу, и к еде, ко всему образу жизни нашей мы должны относиться с религиозным уважением. Всего этого надо достичь еще до начала поста, чтобы к началу самого поста мы были духовно вооружены, предвидя духовную борьбу и победу.

И вот наступает сам пост. Согласно тому, что было сказано выше, его надо исполнять на двух уровнях: во-первых, на уровне аскетического поста; а во-вторых — совершенного. Аскетический пост состоит в сильном сокращении пищи, так чтобы постоянное состояние некоторого голода переживалось нами как память о Боге и поддерживало наше постоянное усилие сохранить эту память. Всякий, кто так постился, знает, что такой аскетический пост, вместо того, чтобы ослаблять, приводит к известной легкости, собранности, трезвости, радости и чистоте. Пища принимается действительно как дар от Бога. Наши взоры обращены в тот внутренний мир, который необъяснимо сам питает нас. Мы не будем обсуждать здесь количество и качество пищи, все это зависит от наших индивидуальных возможностей, от условий нашей жизни.

Продолжение на стр. 2

В этом номере:

О том, что пост есть алкание Бога

стр. 1-2

Плоды Духа

стр. 2,8

Крест как символ любви и знамя победы

стр. 3-4

Вольному воля, спасенному рай

стр. 4

Лестница

стр. 5-6

Лестница. О покаянии

стр. 6

Но принцип ясен: это постоянное состояние полуголода, "отрицательная" природа которого преобразуется молитвой, памятью о Боге, вниманием и направленностью в положительную сторону.

Продолжительность совершенного поста необходимо ограничивать соответственно с Евхаристией, к которой он нас готовит. В настоящих условиях нашей жизни это, прежде всего, день перед совершением Литургии Пржедосвященных Даров. Постимся ли мы с раннего утра или только с полудня, главная цель этого поста — провести этот день в ожидании, надежде, что, голодая, насытимся Самим Господом. Это духовная сосредоточенность на ожидаемом даре, который мы должны получить, ради которого мы готовы отказаться от всех других даров.

После всего сказанного следует помнить, что, сколько бы ни был ограничен наш пост, если это настоящий пост, он поведет к искушениям, к слабости, к сомнениям и

раздражительности. Иными словами, он будет борьбой, в которой мы, вероятно, не раз будем побеждены. Но если пост наш, по существу своему, настоящий, то тут и обнаружится наша жизнь во Христе, жизнь борьбы и подвига. Вера, не победившая сомнений и искушений, редко бывает настоящей верой. В христианской жизни, увы, невозможно без горького опыта ошибок и падений. Как часто люди начинают поститься с энтузиазмом, но отпадают после первой неудачи. Я сказал бы, что настоящее испытание веры наступает после первого падения. Если после такой неудачи, уступив своему голоду и страстям, мы начинаем все снова, не обращая внимания на то, сколько ошибок мы совершили, то рано или поздно наш пост принесет духовные плоды. Между святостью и цинизмом разочарования находится великая и божественная добродетель — терпение. Прежде всего, терпение по отношению к самому себе. Не существует

сокращенных путей к святости, мы должны заплатить полную цену за каждый шаг, за каждую ступень. Поэтому лучше и более безопасно начинать с минимума — только слегка выше наших естественных возможностей — и мало-помалу усиливать пост, чем сразу, в начале поста вознестись слишком высоко и затем разбиться, падая назад на землю.

Итак, от символического и номинального поста мы должны вернуться к настоящему посту. Пусть он будет ограниченный и скромный, но зато последовательный и серьезный. Надо честно оценить свои духовные и физические возможности и способности и действовать соответственно с ними, не забывая в то же время, что, постясь, надо не страшиться своих ограниченных сил, а видеть в своей жизни божественное доказательство того, что невозможное для человека — возможно Богу.

*Протопресвитер Александр Шмеман
Набор аудиопроевещаний <http://shmetan.ru>*

Священное Писание и творения святоотеческие постоянно говорят о тех совершенно особых по своей силе и по своему характеру состояниях радости, блаженства или, выражаясь обыденным человеческим языком, счастья, не сравнимых ни с какими обычными переживаниями, которые постепенно открываются у христианина, ведущего правильную духовную жизнь.

Чаще всего эти состояния передаются словами: любовь и радость, поскольку высших, нежели эти, понятий, нет в языке человеческом. Можно было бы без конца приводить слова Писания и Отцов, литургические тексты, подтверждающие это и свидетельствующие о важнейшем, возможно, для человека факте — о том, что человек по богозданной природе своей, по глубине доступных ему переживаний является существом подобным Тому, Кто есть совершенная Любовь, совершенная Радость и Всеблаженство. Господь говорит апостолам: все это "сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. 15; 11); "Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна" (Ин. 16; 24). И ученики действительно "исполнились радости и Духа Святого" (Ден. 13; 52).

Иоанн Богослов обращается к своим духовным детям: "Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими.... Возлюбленные! мы теперь дети Божи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему" (1 Ин. 3; 1-2).

Апостол Павел "любовь, радость, мир" (Гал.5;22) называет в качестве первых плодов Духа. Он же восклицает: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?... Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни

ПЛОДЫ ДУХА

Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8; 35, 38-39). Он даже говорит, что если христианин не приобретет этого величайшего дара, то — он медь звенящая или кимвал звучащий, он — ничто, он живет без пользы (1Кор. 13; 1-3). Потому молит: "преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа... да даст вам... уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божией" (Еф. 3; 14,16,19).

Замечательным подтверждением истинности Писания является опыт всех святых, неисчислимого множества христиан, отраженный в их аскетических, литургических, гимнографических и других творениях. При этом важно отметить, что слезы о грехах, сокрушение сердца, покаяние, постоянно звучащие у них и производящие, на первый взгляд, впечатление какого-то уныния, печали, угнетенного состояния, в действительности имеют совершенно иную природу, иной дух. Они для христианина, искренне кающегося и понуждающего себя к жизни по Евангелию, всегда растворяются особым миром души, духовной радостью и потому оказываются дороже всех ценностей земных.

В том и состоит одна из уникальных особенностей правильной христианской жизни, что она, чем более открывает человеку падшесть его природы, его греховность и духовную беспомощность, тем сильнее являет ему близость Бога исцеляющего, очищающего, дающего мир душе, радость и многообразные духовные

утешения. Эта близость Божия, по закону духовному, обуславливается степенью приобретаемого христианином смирения, которое делает способной христианскую душу принять Духа Святого, преисполняющего ее и величайшего блага — любви.

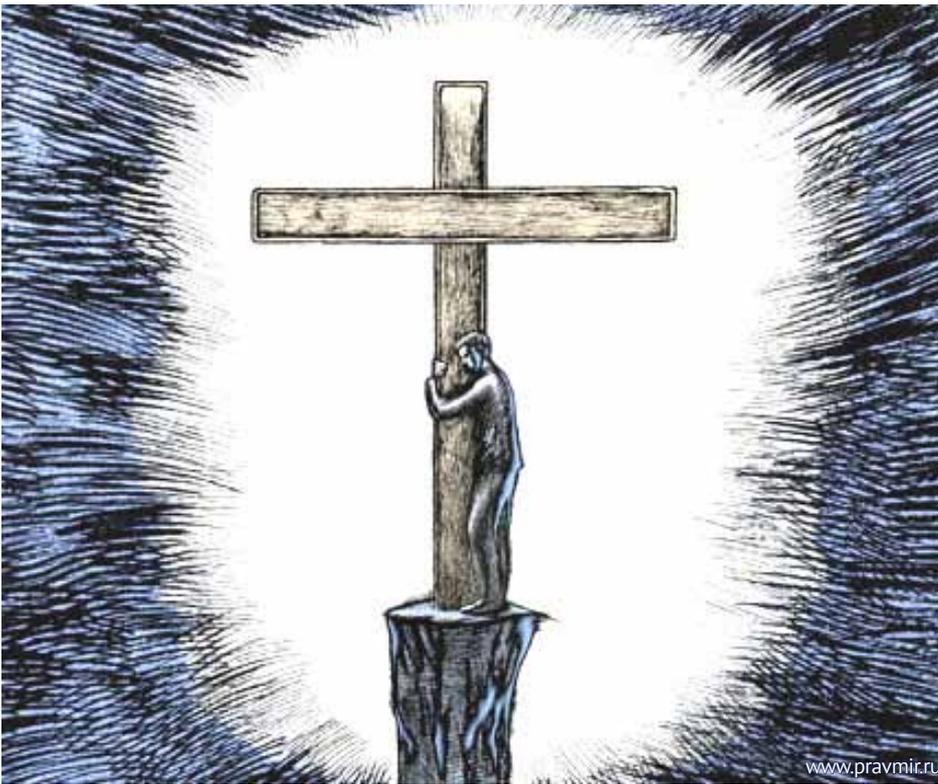
Опытнейший наставник древнего иночества святой Исаак Сирий дал одну из самых ярких характеристик того состояния, которого достигает истинный подвижник Христов. Будучи спрошен: "Что такое сердце милующее?", он ответил: это "возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были помилованы... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворяются сим, как Моисей... и как... Павел... И прочие апостолы за любовь к жизни людей прияли смерть во всяких ее видах... И домогаются святые сего признака - уподобиться Богу совершенством любви к ближнему"¹.

Иллюстрацией того, что переживает человек, стяжавший Духа Святого, может служить встреча и беседа преп. Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым, во время которой, по молитве Преподобного, его собеседник смог ощутить и пережить начатки благодатных даров Духа Святого и поведать о них миру. "Когда Дух Божий приходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, — говорит преп. Серафим, — тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостворит все, к чему бы ни прикоснулся Он...

Продолжение на стр. 8

¹ Преп. Исаак Сирий. Слово 48. С. 299 - 302.

КРЕСТ КАК СИМВОЛ ЛЮБВИ И ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

В Крестопоклонную неделю

*Весенних мыслей бездорожье
И чувств весенних теснота —
Я ухожу от них к подножью
Животворящего Креста.
Здесь все — в одном переживанье,
Все манит душу в Горний мир:
Лампад задумчивых мерцанье,
Звучанье стройное стихир...
Стою, молюсь, и что-то очень
Напоминает детство мне,
Как будто чистый колокольчик
Оттуда счастьем прозвенел,
Как будто время раскололось,
И вновь просторы предо мной,
И вновь призывный слышу голос —
Забывший, но такой родной.
Я знаю — не достоин чуда,
Но смилосердись, Боже мой,
Пусть снова я, как мальчик, буду
Ходить доверчиво с Тобой.
И здесь, у крестного подножья,
Молю я: укажи мне путь!
Готово сердце мое, Боже,
Готово вновь к тебе прильнуть!*

Иеромонах Димитрий (Захаров)

Христианство — соблазн и безумие. Как ни странно, эти слова принадлежат не кому-то из противников христианства, а одному из самых пламенных христианских проповедников и миссионеров — святому апостолу Павлу. Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие (1 Кор. 1, 23), — писал апостол в Послании к христианам греческого города Коринфа. А ведь и правда, в христианстве много странного... Христос говорит в Евангелии от Матфея: Ищите же прежде Царства Божия и правды Его (Мф. 6, 33). Для современного общества, да и не только современного, данные Христом приоритеты были чем-то неприемлемым и непонятным. Или проще — шли вразрез с привычным жизненным укладом.

Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета (Ин. 1, 45), — говорит апостол Филипп Нафанаилу, призывая его стать учеником Иисуса. Моисей и пророки писали о Мессии, о грядущем Царе Израиля. Давайте представим, какого Мессию и Царя могли ждать жители Иудеи времен Христа. Практически каждый — кто-то втайне, кто-то открыто — желал свержения ига римской власти, власти римского императора, войска которого поддерживали «порядок» и при необходимости контролировали уплату налогов. Каждый житель Иудеи хотел свободы. И образ обещанного Мессии был образом освободителя от ненавистных захватчиков. Ведь и Моисей когда-то по повелению Бога вывел

евреев из египетского рабства в Землю обетованную. Но Мессия из Назарета призвал к совершенно другому: Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мк. 8, 34). Возьми свой крест, возьми на себя страдание, ищи Царства Божия, но ищи его не в свержении и изменении чего-то внешнего — власти, общества и т.п., но прежде всего — в изменении себя.

Такой «путь к успеху», выражаясь современным языком, предлагает Евангелие. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? — продолжает Христос слово о несении креста (Мк. 8, 35–36). Этот евангельский фрагмент будет читаться на Литургии в третье воскресенье Великого поста — Неделю Крестопоклонную. Повторяя из раза в раз слова Христа в Евангелии от Марка, Церковь проповедует «соблазн... и безумие...». Крест, распятие, смерть — с точки зрения мира страшный и бесславный конец. Но христианство во каком-то странном причинах воспекает орудие одной из самых страшных казней, которую только мог придумать человек.

Для христианства Крест стал знаком победы. Победы над самим собой. Ведь сначала христиане — первые ученики Христа — не поверили в то, что Христос «победил»: апостолы не поверили мирноносцам, видевшим отваленный от гроба камень и слышавшим слова Ангелов «Что ищите живого среди мертвых?», два ученика на дороге из Иерусалима в город Эммаус размышляли о трагизме разочарования в том, что их Учитель оказался не Тем, Кем считали Его многие. И Сам Христос объясняет им, что именно так и «надлежало пострадать» Мессии... Принимая Крест, христианин принимает веру в Распятого, принимает веру в то, что через распятие, через страшную смерть Бог освобождает мир от греха. Христос «пришел к своим, и свои Его не приняли». Мир вытеснил Бога на крест. Казалось, что мир победил Бога, изгнал Его из своей жизни: «Спаси себя», — кричала толпа на Голгофе... Но Христос принимает страдания до самого конца, до самой смерти, чтобы из смерти «возсияла» жизнь миру. Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3, 16).

Крест — это символ любви Бога к человеку. Любви, простирающейся до самых глубин смерти. И из смертных глубин, до которых сошел Христос, начинается новая жизнь.

Продолжение на стр. 4

Прославление Креста Христова есть прославление любви, новой жизни, прославление надежды, дарованной нам Богом. Надежды «не погибнуть», потому что Сам Бог вкусил смерть, чтобы мы имели жизнь. В середине Великого поста, в третье постовое воскресенье, Крест выносится для прославления в центр каждого православного храма. Осталось еще немного до конца постного пути. Половина уже пройдена. Страдания Христовы озаряются светом Воскресения. Крест — орудие казни — станет знаменем победы. Имя Христова неотделимо от Креста и Воскресения.

Преклоняясь перед Крестом, перед страданием Христа, мы преклоняемся и перед тайной Воскресения. Распятие и Крест — не конец всего. Это начало новой жизни, начало Царства Бога, начало Церкви.

«Радуйся, живоносный Кресте, благочестия непобедимая победа, дверь райская, верных утверждение, Церкви ограждение, имже тля разорится и упразднится, и попрася смертная держава, и вознесохомся от земли к небесным, оружие непобедимое...» — это песнопение из службы Крестопоклонной недели, которое всегда так любят верующие. Радость Креста стано-

вится радостью Церкви, радостью каждого приходящего в Церковь. Там, где Крест, там любовь. Любовь нужно разделить с кем-то, иначе она превращается в эгоизм, в ложное чувство, в ошибку. Бог разделит свою любовь с человеком. Разделил ее в Своей смерти на Кресте. «Возлюби Бога твоего... и ближнего твоего как самого себя...». Крест помогает нашей любви. Тот, Кто возлюбил нас, дойдя ради этой любви до смерти, дарует эту любовь каждому. Каждому, кто желает откликнуться на призыв Креста...

«Православие и современность». Прот. Василий Куценко.

Мастерская слова

Почему мы так говорим?

*ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ,
СПАСЕННОМУ РАЙ*

Общеизвестная поговорка «Вольному воля, спасенному рай» имеет глубокий смысл. Вольному воля — человек волен поступать так, как ему хочется. Спасенному рай — кто живет не по воле своей, а как Бог велит, тот спасется. Другими словами, человек может поступать по воле Божией или против воли Божией, но только поступки, совершенные по воле Божией, приведут человека в рай.

Лаконичнее эта максима звучит в немецком эквиваленте поговорки: «*Des Menschen Wille ist sein Himmelreich*», «воля человека — Царство Небесное»... Пословицу часто применяют тогда, когда хотят выразить несогласие с действиями по типу «своя рука — владыка» и из уважения к свободе человека, только намекая на вариант последствий.

Это объяснение поговорки можно сравнить со словами Библии: «*жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое*» (Втор. 30, 19).

В содержании поговорки, как и в процитированном библейском тексте, подчеркивается уважение к свободе человека. Его не принуждают поступить так или иначе, но только один из двух путей правильный.

В наш «просвещенный век» человек с каждым днем как бы прозрачнее видит будущее и увереннее действует. Одного он не замечает: своей жизни со стороны, иначе для этого необходимо быть и наблюдателем, и наблюдаемым, а это невозможно. Мы себя видим в искаженном свете. Поэтому только «со стороны виднее», что «добраго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19).

Не всегда наши желания производят нужные действия. Как известно, благими побуждениями выложена дорога в ад. Человек себя видит через призму греха,

искаженно. Зачастую и другие не всегда могут уловить мотивацию поступков человека, чтобы направить его к правильному решению, дать верный «рецепт» в той или иной ситуации.

И человек, являясь венцом творения, может обратиться только к Богу, как к высшей инстанции, за решением своих вопросов. А воля Божия — наивысший авторитет для человека. Исполняя волю Божию, человек спасается от раздирающих его греховных побуждений и желаний и как следствие — единым, цельным порывом направляется в рай.

Промысл Божий — для каждого свой. Соответственно, ничего с человеком не происходит без воли Всевышнего. За нами выбор — следовать за Богом или нет. Это не означает, что Бог каждому определил свое место в жизни и дал указания, следуя которым человек «не выпадает из обоймы».

Нет. Бог дал первому человеку заповедь сохранять рай, возделывая и украшая его, любя своего Творца. Но, будучи не укрепленным в добре, человек начал служить диаволу... А когда понял, что «служить двум господам невозможно», — стало уже поздно, грех пророс в сознании человека, начав, соревнуясь с волей Божией, руководить поступками человека.

Тем не менее Господь Бог Своей волей направляет человека к Себе, Один только зная, как вывести человека из «двойственного служения». Спасая человека, Бог уважает его свободный выбор, не делая из него слепого раба низменных желаний, а показывая ему лучший выход из ситуации, оставляя, все же, выбор за человеком.

Выбор человека — за ним самим, он ответствен за свой выбор и пожинает плоды этого выбора. Для правильного выбора необходимо обратиться к Богу с просьбой, чтобы Господь освятил пути человеческие. Тогда для вольного будет единая, верная воля — он будет спасен и наследует рай. Эквивалентом вышеупомянутой поговорки являются слова Библии — «жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30, 19).

*Андрей Ухтомский, кандидат богословия.
<http://cpg-ru.in.ua/search/label/№6> (280)*

Я уже устал

Песня

*Я уже устал, от распада и тлена.
Хочется творить, каждый день по весне.
Радугую выкрасить серые стены.
Чтобы белый свет не терялся в окне.
Я хочу любить, разве это так сложно?
Видеть вместо масок доверчивость лиц.
И тогда наверное станет возможным.
Выучиться жить у деревьев и птиц.*

Припев:

*Может я останусь, может
встречу старость.
Если перестану, жить кое как.
И пойму однажды, как же было важно.
Сделать к небу по земле, первый шаг.*

*Всё таки весна, это чудо от Бога.
Тайна мироздания в улыбке Творца.
А земная жизнь это просто дорога.
Только долгий путь от креста до венца.
И в конце пути ощущение свободы.
От того, что там где рождается вновь.
За меня дурного над всем небосводом.
Тело держат звезды, а душу любовь.*

Дорога к небу начинается на земле

*Может я останусь, может
встречу старость.
Если перестану, жить кое как.
И пойму однажды, как же было важно.
Сделать к небу по земле, первый шаг.*

Сергей Трофимов.

ЛЕСТНИЦА

Лестница и Иоанн Лествичник, св. прп.; Византия; XI в. Греция. Афон

Прежде чем Иоанн, игумен Синайского монастыря, написал свою бессмертную книгу и назвал ее Лестницей, образ лестницы уже присутствовал в Писании, а значит, в сознании христиан.

Это известное ночное видение Иакова, бывшее ему по дороге в Харран. Лестницу, стоящую на земле и касающуюся неба, видел тогда патриарх, и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по ней. На лестнице утверждался Господь и говорил с Иаковом, давая ему великие обетования (Быт. 28:10-22). Отсюда, от описанных событий ведет свое родословие воспевание Богородицы, как Небесной Лестницы, «Юже Иаков виде» и «Ею же к нам сниде Бог».

О лестнице должен быть и всецерковный разговор в четвертую неделю Великого поста, поскольку неделя носит имя автора одноименной книги – «Лестница».

Книга эта такова, что весь год, выбирая из нее необходимые и насущные речения, пастырь, смотря по ситуации на приходе или в обители, может постоянно врачевать умы и души своих пасомых. Говорить же о «Лестнице» только один раз в год означает обрекать себя на разговор поверхностный, а значит более или менее бесполезный. Поэтому оставляя практическое освоение

книги на тех, кому вверены души, поговорим о следующем.

Лестница (неважно какая – мраморная, деревянная или веревочная) есть явление культурного порядка, она придумана и сделана человеком, подобно земледельческому плугу или охотничьему луку. И человек всегда окружен делами рук своих, он всегда живет в двух мирах – в мире

Божием и в мире рукотворном. Сей последний называют еще «второй природой» или цивилизацией. Так, в Евангелии упоминаются, сотворенные Богом, зерно и рыба, но есть также монета и лодка, относящиеся к рукотворной реаль-

ности и «второй природе». К ним же относятся и лестница.

Она ведет как снизу вверх, так и сверху вниз (Ангелы и восходили, и нисходили по ней). Но подниматься вверх можно только постепенно, тогда как лететь вниз можно и быстро, и вверх тормашками. Мальчишки, ездящие вниз по перилам, знакомы с удовольствием от быстрого спуска, а вот стасанный бесовскими крючьями монах на иконе «Лестницы Иоанновой» знает, что путь вниз радости в себе не содержит.

Лестница, при кажущейся простоте, есть изобретение умное и говорящее о многом. Кроме постепенства, требуемого ею, лестница позволяет шаг за шагом взбираться на такую высоту, на которую никогда не запрыгнет и не залезет обычный человек. Даже старик, страдающий одышкой и подолгу отдыхая на пролетах между этажами, со временем взбирается на значительную высоту, и это есть несомненный образ духовных трудов. Мы все всходили бы высоко, если бы потихоньку и постоянно двигались в правильном направлении.

Не правда ли удивительно, что учиться многому можно у таких простых и повседневных вещей? Оказывается, что нося в себе неистребимый образ Создателя, чело-

век и сам способен создавать вещи многозначительные.

Об этом прекрасно говорит Честертон, рассуждая о таком христианском символе, как «ключ» в книге «Вечный человек». С удовольствием приведу цитату, поскольку это пример глубокого мышления при созерцании вещей обыденных.

«Вера подобна ключу в трех отношениях. Во-первых, у ключа определенная форма, без формы он уже не ключ. Если она неверна, дверь не откроется. Христианство, прежде всего, философия четких очертаний, оно враждебно всякой расплывчатости. Это и отличает его от бесформенной бесконечности, манихейской или буддийской, образующей темную заводь в темных глубинах Азии.

Во-вторых, форма ключа очень причудлива. Дикарь, не видевший ключей, никогда не угадает, что это. Причудлива она потому, что, в определенном смысле, она произвольна. О ключе спорить нечего, он или входит в скважину или нет. Вряд ли стоит подгонять ключ под правила геометрии или каноны эстетики. Бессмысленно требовать и ключ попроще, тогда уж лучше взломать дверь.

И в-третьих, форма ключа не только точна, но и сложна. Многие жалуются, что религию так рано засорили теологические сложности, забывая, что мир зашел не в тупик, а в целый лабиринт тупиков. Сама проблема была сложна, куда сложнее, чем «борьба с грехами». Накопилось множество тайн, неосознанных болезней души, опасностей, извращений. Если бы наша вера принесла толпе плоские истины о мире и о прощении, к каким пытаются свести ее многие моралисты, она бы нимало не воздействовала на сложный и пышный приют для умалишенных.

Во многом ключ был сложен, в одном – прост. Он открывал дверь».

Продолжая в этом духе размышлять о лестнице, мы видим, что

1) у нее есть цель; 2) движение вверх требует постепенности и связано с усилием; 3) чем выше поднимаешься, тем больше риск упасть.

Подобные принципы характерны вовсе не для одной лишь книги святого Иоанна. Уже Десятословие, полученное Моисеем на горе, содержит в себе идею восхождения. Запрещая грех на уровне телесных проявлений (не убей, не укради, не прелюбодействуй), заповеди на скрижалях в конце подходят к слову «не пожелай», то есть проникают во внутренний мир человека и судят уже не дела, но намерения.

Точно так же и учение Христа о блаженстве начинается со слов о нищете духа, а постепенно доходит до поношений и гонений за правду, причем в конце, несмотря ни на что, призывает Своих последователей «радоваться и веселиться» о Небесной награде.

ЛЕСТВИЦА: О ПОКАЯНИИ

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть помысел самоосуждения, и попечение о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дочь надежды и отвержение отчаяния.

3. Иное есть сокрушенное смирение кающихся, а другое угрызение совести еще падающих в свой грех, и иное блаженное богатство смирения, посещающее совершенных чрез воздействие Божие. Признак второго (рода смирения) — совершенное терпение бесчестия. — Превья привычка тиранит часто и плачущих (о ней). И не дивись сему. От чего и как бывают падения, — темно и совершенно непостижимо для души, какие из них случаются по причине нерадения, какие по причине домостроительного оставления, какие по причине отвращения Божия. Некто впрочем поведал мне, что в падениях, случающихся с нами по домостроительству, сподобляемся мы скорого от них возвращения; потому что Предающий нас им не дозволяет долго держать нас демону печали.

4. Когда язва еще нова и горяча, тогда она легко врачует; но застарелые, оставленные в небрежении, и запущенные язвы не легко врачуются, и для уврачевания своего требуют многого труда, резания, присыпания и прижигания. Многие раны от времени делаются неисцельными, но «у Бога вся возможна суть» (Мф. 19,26).

5. Прежде падения в грех, бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения неприступно строгим.

6. Не внимай врагу, нашептывающему тебе по падении о малости прегрешения, говоря: «лишь бы того — и того тебе не сделать, а это ничего». Часто и малые дары уголяли великий гнев Судьи (и наоборот).

7. Кто истинно ищет удостоверения в отпущении грехов своих, тот почитает потерянным всякий день, в который не плачет, хотя бы сделал в оный сколько-нибудь добра.

8. Никто из должствующих плакать о грехах да не ослабляет ревности о сем, обольщая себя таким чаянием: в исходе моем (в час смерти) получу извещение о прощении. Неизвестное не твердо верно. «Ослаби ми» извещением, «да почию, прежде даже не отъиду» отсюда без сего

извещения (Пс. 38,14). «Где Дух Господень, там узы разрешены» (2Кор. 3,17); где смирение неоцененное, там узы разрешены. А в ком нет сих двух, те пусть не обольщают себя: они связаны.

9. Живущие в мире, и они одни чужды сих извещений. Но некоторые из них, текущие путем милостыни, в час исхода познают, сколько это благоплодно для них.

10. Кто плачет о себе, тот не станет узнавать о плаче, или падении, ... другого.

11. Вникнем, не от того ли совесть перестала нас обличать, что как бы подавлена злом, а не от того, что стала чиста. Признак разрешения в падении — всегдашнее признание себя должником.

12. Будем внимать все мы, особенно же падшие, да не внидет в сердце наше пагубное учение безбожного Оригена. Оно, скверное, выставяло преимущественно Божие человеколюбие, очень по сердцу сластолюбцам.

13. В самом начале подвига исповедуем согрешения наши доброму судье нашему (духовному отцу), наедине; если же повелит, то и при всех. Ибо язвы, будучи объявляемы, не развережаются тем, а врачуются.

14. Во время исповеди будь, как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслью, как осужденный преступник, поникши лицом в землю; и если можно, то омочай слезами ноги своего отца духовного, как ноги Самого Христа.

15. Бесы обыкновенно внушают нам, или совсем не исповедовать согрешений отцу своему, или исповедовать, но складывая вину греха своего на других.

16. Не прельщайся духом возношения и возвещай отцу своему согрешения свои, не укрываясь; потому что без самопосрамления невозможно избавиться от вечно-го стыда. Обнажай струп свой врачу и не стыдись сказать ему: «отче, моя это язва, ; она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености: никто не виновен в ней, ни человек, ни дух, ни тело, ни другое что либо, но только мое нерадение».

18. Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность есть знак великого

возношения.

19. Луч солнечный, проникнувший чрез скважину в дом, просвещает в нем все, так что видна бывает и тончайшая пыль, носящаяся в воздухе: подобно сему, когда страх Господень приходит в сердце, то показывает ему все грехи.

20. Как вода смывает буквы, так и слеза может очищать согрешения.

21. Как, за неимением воды, изглаждают буквы и другими способами, так и души, лишённые слез, очищают и заглаживают грехи свои печалью, воздыханием и многим сетованием.

22. Как свежая рана скоро излечивается, так напротив многовременные душевные язвы неудобно врачуются, хотя и могут исцелиться.

23. Как похоронившему отца своего стыдно, тотчас по возвращении с похорон, идти на брак, так и плачущим о грехах своих неприлично искать в настоящем веке покоя или чести и славы от людей.

24. Как жилища граждан отличны от жилищ осужденных преступников, так и образ жизни плачущих о грехах своих должен быть совершенно отличен от образа жизни неповинных.

25. Чувство души есть естественное ее свойство; но грех оглушает сие чувство. Сознание производит или прекращение зла, или уменьшение оно. Сознание же есть порождение совести, а совесть есть слово и обличение Ангела — Хранителя, данного нам при крещении. Посему-то мы и примечаем, что непросвещенные крещением не столько бывают мучимы в душе за свои злые дела, сколько верные, но как-то не ясно.

26. Желаящий избавиться от бремени грехов своих, да... а не престаёт изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца, до тех пор, пока и он не увидит Иисуса пришедшим и отвалившим от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, разрешившим от уз греховных, и повелевшим слугам своим — Ангелам: «разрешите его» от страстей «и оставьте идти» (Ин.11,44), к блаженному бесстрастью.

Прп. Иоанн Лествичник. Райская Лествица, Т.2, гл. 33.
www.azbyka.ru/otechnik/dobrotoljubie_tom_2=33

Продолжение. Начало на стр. 5

Налицо тернистое восхождение от меньшего к большему, и, по сути, та же Лествица, постепенно приводящая человека к подлинному блаженству.

Жизнь — не броуновское движение. В идеале это осмысленное движение к Богу, причем движение снизу вверх. Оценить свое нахождение человеку самому бывает

трудно, а то и невозможно. Для этого ему и даны такие карты маршрута, как книга святого Иоанна. Повторю, что она требует чтения по чуть-чуть в течение всего года (особенно для монашествующих).

Единственное, что можно сказать с большей степенью уверенности, это то, что человек реально восходящий вверх, имеет своим спутником все увеличивающийся

страх падения. А человек, живущий беспечно, не боящийся духовных пропастей, с трудом понимающий вообще, о чем идет речь, когда говорят: «И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы» (Еккл. 12:5), скорее всего, топчется у основания горы или даже спит, в то время как драгоценное время жизни проходит, не останавливаясь.

Прот. андрей Ткачев. <http://www.pravmir.ru/lestnica-2>

Отец загадал мне мудреную загадку: – *"Стоит мост на семь верст. У конца моста стоит яблоня, она пустила цвет на весь Божий Свет"*.

Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий пост и Пасха.

Первая неделя поста шла к исходу. В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он так мне понравился, что я вместо одной ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне: – *Не многовато ли будет?* Я поперхнулся от смущения и закашлялся. В эти Богоспасенные дни (так еще называли пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи?

Перелистал их лишь до Великой субботы, а дальше уж не заглядывал – не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?

Отец, сидя за верстаком, пел великопостные слова: *Возсия, благодать Твоя Господи, возсия просвещение душ наших; отложим дела тьмы, и облечемся во оружие света: яко да преплывше поста великую пучину.*

Все чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам "Сокровище духовное от мира собираемое" св. Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими как бисерным кошечком, вышитым в женском монастыре, и подаренным мне матерью в день Ангела: *"Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их: так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и сласть их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать"*.

Многое что не понимал в этой книге. Нравились мне лишь заглавия некоторых поучений. Я заметил, что и матери эти заглавия были любы.

Прочтешь, например: *"Мир", "Солнце", "Святва и жатва", "Свеща горящая", "Вода мимотекущая"*, а мать уж и вздыхает: – Хорошо-то как, Господи! Отец возразит ей:

– *Подожди вздохнуть... Это же "зачин"*.

А она ответит:

– *Мне и от этих слов тепло!*

Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь ее.<...>

Наш город ожидал два больших события: приезда архиерея со знаменитым протодьяконом и чин провозглашения анафемы отступникам веры.

Про анафему мне рассказывали, что в старое время она провозглашалась Гришке Отрепьеву, Стеньке Разину, Пугачеву, Мазепе... При слове *"анафема"* мне почему-то представлялись большие гулкие камни, падающие с высоких гор в дымную бездну.

День этот был мгlistым, надутым снегом и ветром, готовый рассыпаться тяжкой свинцовой вьюгой. Хотя и объяснял мне

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВНА

Яков, что анафему не надо понимать как проклятие, я все же стоял со страхом.

Из алтаря вышло духовенство для встречи епископа. Я насчитал двенадцать священников и четырех дьяконов.

Шествие замыкал высокий, дородный протодьякон с широким медным лбом, с рыжими кудрями по самые плечи. Он плыл по собору как большая туча по небу, вьюжно шумя синим своим стихарем, опоясанный серебряным двойным орарем. Крепкая медная рука с литыми длинными пальцами держала кадило.

Про этого протодьякона ходила молва, что был он когда-то бурлаком на Волге, и однажды, тяня бичеву, запел песню на все волжское поволье. Услыхал эту песню проезжавший мимо московский митрополит. Диву он дался, услышав голос такой редкостной силы. Владыка повелел позвать к себе певца. С этого и началось. Бурлак стал протодьяконом.

На колокольне затрезвонили *"во вся тяжкая"* колокола. К собору подкатила карета, из которой вышел сановитый монах в собольей шубе, опираясь на черный высокий посох. Лицо монаха властное, смурое, как у древних ассирийских царей, которых я видел в книжке.

В это время загрохотал как бы великий гром. Все перекрестились и восколебались, со страхом взглянув на медного протодьякона. Он начал возглашать:

– *Достойно есть, яко воистину...*

К его возгласу присоединился хор, запев волнообразное архиерейское "входное", поверх которого шли тяжелые волны протодьяконского голоса:

– *И славнейшую без сравнения серафим...*

Два иподьякона облачали епископа в лиловую мантию. Она звенела тонкими ручьистыми бубенчиками.

Это была первая торжественная служба, которую я видел, и мне было радостно, что наше православие такое могучее и просторное. Не даром сегодняшний день назывался по церковному "Торжеством Православия".

Епископа облачали в редкостные ризы, посредине церкви, на бархатном красном возвышении, и в это время пели запомнившиеся мне слова: – Да возрадуется душа твоя, о Господи!.. Все это было мне в диковинку, и Гришка несколько раз говорил мне:

– *Закрой рот! Стоишь как ворона! ...*

Меня затеснили и загородили свет. Я пытался протиснуться вперед, но меня не пускали и даже бранили: – *И что это за шкет такой безпокойный!* – *Пустите сорванца вперед, а то все мозоли нам отдавит!* Меня выпихнули к самому амвону, где стояли почетные Богомольцы...я встал

рядом с генералом.

Я смотрел на *"золотое шествие"* духовенства из алтаря на середину церкви при пении *"Блажени нищие духом"*, на выход епископа со свечами, провозгласившего над народом моление *"Призри с небеси Боже"* и осенившего всех нас огнем, – а в это время три отрока в стихарях пели: *"Святый Боже, святый крепкий, святый безсмертный помилуй нас"*, – на всенародное умоление рук епископа перед Великим выходом при пении: *"Иже херувимы тайно образующе"*, и все это при синайских громах протодьяконского возношения.

Мне не стоялось спокойно, я вертелся по сторонам и весь как бы горел от восхищения. Генерал положил мне руку на голову и вежливо сказал:

– *Успокойся, милый, успокойся!*

Начался чин анафемствования. На середину церкви вынесли большие темные иконы Спасителя и Божьей Матери. Епископ прочитал Евангелие о заблудшей овце, и провозглашали ектению о возвращении всех отпавших в объятия Отца Небесного. В окна собора била вьюга. Все люди стояли, потемневшими, с опущенными головами, похожими на землю в ожидании бури. После молитвы о просвещении святом всех помраченных и отчаявшихся на особую деревянную восходницу поднялся протодьякон и положил тяжелые металлические руки на высокий черный аналой. Он молча и грозно оглядел всех предстоящих, высоко поднял златовласую голову, перекрестился широким взмахом и всею силою своего широкого голоса запел прокимен: – *Кто Бог великий яко Бог наш, Ты еси Бог наш творяй чудеса!*

Как бы объятый огнем и бурей, протодьякон бросал с высоты восходницы огненосное, страшное слово: *анна-фе-мма!*

И опять мне представилась гора, с которой падали тяжелые черные камни в дымную бездну. Все отлучаемые от Церкви были этими падающими камнями. Вслед им, с высоты горы, Церковь пела трижды велико-скорбное и как бы рыдающее: – *Анафема, анафема, анафема!* Церковь жалела отлучаемых.

В этот мгlistый вьюжный день вся земля, казалось, звучала протодьяконской медью: *Отрицающим бытие Божие – анафема! – Держающим глаголати яко Сын Божий не единосущен Отцу и не бысть Бог – анафема! – Не приемлющие благодати искупления – анафема! – Отрицающие Суд Божий и воздаяние грешников – анафема!..*

Никифоров-Волгин.

В рассказе «Торжество Православия» тебе встретятся незнакомые слова и выражения, и что бы понять их значение, не поленись заглянуть в словарь церковнославянского языка. А если ты, дружок, заглянешь в замечательную книгу «Закон Божий», то узнаешь, когда и почему был установлен праздник «Торжество Православия», и почему он так называется?! С началом Великого поста!

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ МАРТ

Хронограф 3

- 1/19 СБ Мчч. Персидских в Мартирополе.
2/20 ВС Прощеное воскресенье. **Сщмч. Ермогена, патриарха Московского и всея Руси, чудотворца. Вмч. Феодора Тирона. Заговенье на пост.**
3/21 ПН **Седмица 1-я Великого поста.** Свт. Агапита исп., еп. Синадского.
4/22 ВТ Прп. Равулы. **Прп. Феодора Санаксарского.** Мц. равноап. Аппии.
5/23 СР Прмч. Корнилия Псково-Печерского. Прп. Льва, еп. Катанского.
6/24 ЧТ **Свт. Георгия, еп. Амастридского. Мц. Ольги Кошелевой (1939).**
7/25 ПТ Мчч. Маврикия и 70-ти воинов. **Мц. Елисаветы Тимохиной (1938).**
8/26 СБ **Обрѣтение мощей блж. Матроны Московской.** Вмч. Феодора Тирона.
9/27 ВС Торжество Православия. **Первое и второе обрѣтение главы Иоанна Предтечи.** Прп. Еразма Печерского.
10/28 ПН **Седмица 2-я Великого поста.** Прмц. Мстиславы Фокиной (1938).
11/29 ВТ Свт. Прокопия, архиеп. Газского.
12/30 СР Прп. Фалалея Сирийского.
13/31 ЧТ Блж. Николая, Христа ради юродивого, Псковского. Прпп. Марины и Киры.
14/1 ПТ Прп. Домнины Сирийской (ок. 460).
15/2 СБ **Иконы Божией Матери, именуемой «Державная» (1917).** Мчч. 440 Итальянских. **Поминование Усопших.**
16/3 ВС Собор всех преподобных отцов Киево-Печерских.
17/4 ПН **Седмица 3-я Великого поста. Блгв. кн. Даниила Московского.** Свт. Григория, еп. Констанция Кипрской.
18/5 ВТ **Обрѣтение мощей свт. Луки исп., архиеп. Симферопольского (1996). Обрѣтение мощей блгв. кнн. Феодора смоленского и чад его Давида и константина, Ярославских чудотворцев.**
19/6 СР Мчч. 42 Амморейских. Обрѣтение Честного Креста св. царицей Еленой.
20/7 ЧТ Семи сщмчч. епископов Херсонесских
21/8 ПТ Ап. Ерма (I). Прп. Дометия.
22/9 СБ **40 мучеников Севастийских.** Прп. Иоасафа Шахова. Мч. Урпасаиана.
23/10 ВС Крестопоклонная. Прп. Анастасии. Мц. Хариессы, Василиссы, Ники, Гали и др.
24/11 ПН **Седмица 4-я Великого поста, Крестопоклонная.**
25/12 ВТ **Свт. Григория Двоеслова, папы Римского. Прп. Симеона Нового Богослова.**
26/13 СР Мч. Савина. Мц. Христины Персидской.
27/14 ЧТ Прп. Венедикта Нурсийского. Свт. Феогноста, митр. Киевского и всея Руси.
28/15 ПТ Сщмч. Александра, иерея в Сиде. Мч. Никандра. **Сщмч. Алексия Виноградова пресвитера (1938).**
29/16 СБ Сщмч. Александра, папы Римского (119). Мч. Иулиана Аназарвского. **Поминование усопших.**
30/17 ВС Прп. Иоанна Лествичника. Прп. Алексия, человека Божия. Прп. Макария, игумена Калязинского, чудотворца.
31/18 ПН Седмица 5-я Великого поста. Свт. Кирилла, архиеп. Иерусалимского. **Сщмч. Димитрия Розанова пресвитера, Прмц. Наталии Баклановой (1938).**

Графская пристань, 1900 г.

В марте 1787 года было закончено строительство каменной пристани, названной Екатерининской, на месте деревянной, построенной в 1783 г. Завершилось возведение каменной пристани при командующем эскадрой графе Марко Ивановиче Войновиче. Поэтому за пристанью и укрепилось название «Графская».

В 1834 г. адмирал М. П. Лазарев составил предложения по улучшению Графской пристани и отдал приказ инженер-полковнику Джону Уптону сделать проект ее перестройки, который был выполнен в 1837 г.

В 1843 г. пристань украсилась двумя мраморными скульптурами львов работы художника Фернандо Пелличио, выпиленных из Италии, а в 1846 колоннадой, в нишах которой установили 4 мраморные античные фигуры того же мастера. (Две фигуры были утрачены в период первой обороны Севастополя в 1854-1855)

Графская пристань, начало XX века

Продолжение. Начало на стр. 2

«Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть», — а под Царствием Божиим разумел Он благодать Духа Святого. Вот оно-то теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святого отвне осиявает и согревает нас, благоуханием многообразным преисполняя воздух... улаждает чувства наши пренебесным наслаждением и сердца наши напояет радостью неизглаголанною...»².

Один из недавних наших подвижников благочестия игумен Никон (Воробьев, 1963) писал о духовном человеке, что, являясь обителью Духа Святого (*«Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» — 1 Кор. 3, 16*), он совершенно отличен от душевного, или плотского; он новый человек, а душевный — ветхий. Что в нем нового? — Всё: ум, сердце, воля, даже тело, все его состояние.

Ум нового (духовного) человека способен постигать отдаленные события, прошлое и многое будущее, постигать суть вещей, а не только явления, видеть души людей, ангелов и бесов, постигать многое из духовного мира. *«Мы имеем ум Христов»*, — говорит апостол Павел (*1 Кор 2, 16*).

Сердце нового человека способно переживать такие состояния, о которых кратко сказано: *«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9)*. Апостол Павел пишет даже: *«Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18)*. А преп. Серафим в согласии с древними Отцами говорит, что если бы человек знал о состояниях блаженства, которые бывают уже здесь, на земле, а тем более в будущей

жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести это благо.

Таким же образом и воля нового человека целиком устремляется к любви и благодарности Богу, к желанию во всем творить волю Его, а не свою.

Тело духовного человека тоже изменяется, становится частично подобным телу Адама до падения, способным к *«духовным ощущениям»* и действиям (хождение по водам, способность долгое время оставаться без пищи, моментальный переход через большие расстояния и т.п.).

Словом, духовный человек весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово «инок») и по уму, и по сердцу, и воле, и телу³.

Это иное состояние человека названо Отцами *«обожением»*. Данный термин наиболее точно выражает существо святости. Она есть именно теснейшее единение с Богом, стяжание Духа Святого, о котором говорил преп. Серафим. Она — Царство Божие, пришедшее в силе (*Мк. 9; 1*) в тех верующих, о которых Спаситель сказал: *«Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17-18)*. Эти знамения являются одним из очевидных указаний на то, что святость есть единство с Духом Господним (*1 Кор. 6; 17*), Который есть *«Бог, творящий чудеса» (Пс. 76; 15)*.

**А. И. Осипов. Профессор МДА.
Путь разума в поисках истины. Гл. 7.
Сретенский монастырь. Москва 2002**

³ Игумен Никон. Письма духовным детям. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 119.

² О цели христианской жизни. С. 17-21.

Реквизиты храма свт. Николая:

АО УкрСиббанк г. Харьков МФО 351005
р/с 26008035712900 Код 26014873
Получатель: Церковно-приходская
община Святого Николая

Отпечатано в типографии ЧП «Стрижак — пресс».
Адрес: Репина, 21
Телефон: 53-70-29
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Любая полиграфия в самые короткие сроки.